

Е.В. САВИЦКАЯ
(Самара)

ЯЗЫКОВЫЕ ЛАКУНЫ В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Освещается ряд онтологических категорий, значимых для установления сущности понятия «языковая лакуна». Выдвигаются аргументы в пользу внутриязыковой трактовки лакун.

Ключевые слова: *языковая лакуна, лакунарная единица, виртуальная единица, языковая субстанция, бытие, небытие.*

Нелегко изучать то, что есть, но еще труднее – то, чего нет. Исследование небытия порой приводит к логическим противоречиям и парадоксам, которые можно наблюдать, в частности, в сфере лингвистической лакунологии.

Исходное значение слова *лакуна* – ‘впадина, пробел, пустое место’. В таком случае что содержит словарь лакун? И.А. Стернин отметил, что такой словарь «представляет собой на первый взгляд теоретический нонсенс. Ведь лакуна – это отсутствие слова... Как можно описать то, чего нет? Оказывается, можно <...> Лакуна в русском языке описывается в форме толкования <...> единицы того языка, на фоне которого она выявлена» [10, с. 39]. Отсюда следует, что лакуна (отсутствие единицы или формы в языке) – это не ничто и не абсолютная пустота, а такая пустота, которая парадоксально заполнена «тем, чего нет».

Стремление выяснить, чем заполнена лакуна, привело к возникновению разных, иногда противоречащих друг другу трактовок: лакуна – это отсутствие в языке единицы какого-либо другого языка (Ш.Р. Абдуразакова); отсутствие в языке эквивалента единицы другого языка (Е.О. Опарина); пустая клетка в системе именованности (И.П. Матханова, Т.А. Трипольская); идеальное содержимое (нуль-единица, виртуальная единица), занимающее место в языковой системе (Г.В. Быкова); единица, имеющаяся в одном языке, но не имеющаяся в другом языке (О.А. Огурцова); единица, имеющаяся в языке, но не по-

нятная носителям другой лингвокультуры (И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин).

Однако факт отсутствия языковой единицы, пустая клетка для единицы, сама отсутствующая единица и имеющаяся, но непонятная единица – это хотя и взаимосвязанные, но разные вещи, которые не поддаются ни отождествлению, ни объединению под зонтиком термина *лакуна*. Осмысление понятия «лакуна» сопряжено с серьезными трудностями. Что такое лакуна? Отсутствие единицы / формы? Наличие безэквивалентной единицы / формы? Пустующая ячейка в парадигме? Сама единица / форма? Если да, то виртуальная или реальная? Имеющаяся или отсутствующая? Или же единица / форма, имеющаяся в языке А и отсутствующая в языке В – это одна и та же единица / форма? По нашим представлениям, разноречивость трактовок лакуны обусловлена диалектическим единством противоположностей – небытия и бытия.

Судя по имеющимся толкованиям лакуны, ученые ощущают: лакуна – это такое небытие, которое в то же время представляет собой некое бытие. Так, у английского глагола *to do* отсутствует форма *Future Continuous Passive*, но известно, что она выглядит как **will be being done*. Ее нет, и она есть. Здесь не срабатывает закон Аристотелевой формальной логики – закон исключенного третьего, по которому вещь (в данном случае языковая форма) либо есть, либо ее нет; третьего не дано. Феномен лакунарности можно объяснить с позиций Платоновой и Гегелевой диалектической логики, а именно с позиций закона единства противоположностей, по которому вещь при определенных условиях существует (в одном модусе бытия) и не существует (в другом). Для того чтобы выяснить это, необходимо обратиться к ряду онтологических категорий.

Онтология – раздел философии, посвященный проблемам существования. Такого рода проблемы ставились в древнеиндийской, античной, средневековой и ренессансной западноевропейской философии, в рамках учений Гегеля и Канта, в неопозитивизме, экзистенциализме и диалектическом материализме. Основные категории онтологии – «бытие», «небытие», «нечто (вещь)», «ничто», «при-

сутствие / наличие», «отсутствие», «становление», «тождество» и нек. др.

Как отметил еще Августин Блаженный [3], фундаментальные категории, наиболее понятные интуитивно с позиций житейского здравого смысла, при философском подходе оказываются самыми трудными для объяснения. Таковы и категории онтологии. Если применять их в научном исследовании в их обыденном понимании, в ряде случаев это может привести к логическим противоречиям и недоразумениям. Стремлением избежать противоречий и недоразумений при толковании лакун вызвана необходимость краткого освещения этих категорий. Мы ограничимся лишь теми аспектами проблемы, которые непосредственно значимы для выявления сущности понятия «лакуна».

Бытие – исходная аксиоматическая категория онтологии. По Аристотелю, вещь (не-что сущее и качественно определенное) имеет бытийные признаки (свойство, состояние, действие, отношение, изменение, местоположение и др.), но само бытие (существование) – не признак вещи. Оно первично ко всему [1].

Бытию противостоят ничто и небытие (см. «Бытие и ничто» Ж.П. Сартра [9], «Бытие и небытие» А.Ф. Лосева [8]). Ничто и небытие – не одно и то же.

Ничто в философском понимании – это не пустота, не отсутствие материи и энергии в каком-либо локусе (области пространства-времени [2, с. 264]) и не сам незаполненный локус. Это несуществование абсолютно всего – материи, духа, энергии, структуры, информации, пространства, времени и чего бы то ни было. По Сартру, нельзя трактовать ничто как то, что окружает бытие: ведь *то* означает ‘нечто’, а ничто – по определению – не есть нечто. Кроме того, слово *окружает* подразумевает, что за пределами бытия есть пространство, которое якобы вмещает в себя ничто. Однако, как отмечалось, ничто – это несуществование всего, в том числе пространства. Поэтому ничто не располагается за пределами бытия; оно коренится в самом бытии как его отрицание.

Люди привыкли жить в мире сущего, и человеческий язык устроен так, что попытки оперировать категорией «ничто» в упомянутом философском смысле приводят к логическим и языковым парадоксам. То, что существует, есть нечто (сущее). Если считать, что ничто существует, значит, оно – не ничто, а не-

что. Если же считать, что его не существует, то говорить просто не о чем.

По Н. Винеру [4], оперирование категориями, связанными с абсолютным (‘бесконечность’, ‘вечность’, ‘всеведение’ и т.п.), неконструктивно в контексте рационального мышления, мало что проясняет в мироустройстве и зачастую заводит в логические тупики. «Ничто» – это как раз такая категория. Здесь мы характеризуем ее лишь с целью показать, что ее применение к лакунам может завести в тупик. Так, если вслед за рядом ученых считать лакуной состояние, когда в языке *B* нет ни семемы, ни лексемы, ни ячейки, одним словом, ничего, относящегося к безэквивалентной единице языка *A*, то окажется, что лакуна – это ничто (т.е. ее нет), а лакунология – наука ни о чем.

От категории «ничто» принципиально отличается категория «небытие», реально важная и конструктивная для выяснения сущности понятия «лакуна».

Небытие существует. «Бытие, чтобы быть, должно быть окружено ... небытием. Если есть бытие, то есть и небытие», – указал А.Ф. Лосев [8, с. 406] и назвал небытие «животворным хаосом бесконечных трансформаций», т.е., говоря современным языком, энтропией – качественной неопределенностью, содержащей в себе потенциал качественной определенности бытия.

Утверждение, что небытие существует, т.е. презентация небытия как бытия, нарушает Аристотелев формально-логический закон – закон тождества, из которого следует, что *не-р* есть *не-р*, а значит, *не-р* не есть *р*. В частности, согласно ему, небытие есть небытие, а значит, небытие не есть бытие.

Однако философы проанализировали соотношение небытия и бытия с позиций Платона и Гегелева диалектического закона единства противоположностей, с которых противоположности видятся как «становящиеся, переходящие друг в друга, исчезающие друг в друге» [7, с. 145]. Небытие одной вещи переходит в бытие другой вещи. По законам сохранения материи и энергии, вещь *q* возникает не из ничего, а из вещи *p*, и обращается не в ничто, а в вещь *r*.

«Небытие и бытие совпадают в становлении», – указал А.Ф. Лосев [8, с. 421]. Когда вещь *p* становится вещью *q*, небытие *p* совпадает с бытием *q*. Мир охвачен непрерывным взаимопревращением вещей. О нем писал Хайям: *В этой тленной Вселенной в положенный срок // Обращаются в прах человек и цветок; А прах развеют ветры пепе-*

лиц, // Смешают с глиной, и из этой смеси // Построят стены будущих жилищ (Рубайят). Небытие вещи p – это не ничто, а инобытие p в виде q , т. е. бытие в ином модусе (иной форме / субстанции / локусе).

Иногда вещь меняет форму, которая придавала этой вещи качественную определенность, но субстанция сохраняется. Например, в старину был обычай изготавливать обручальные кольца из золотых монет; согласно поверью, это сулило новобрачным богатство. Переставая быть, монеты давали начало бытию колец. Монеты меняли форму, но субстанция (металл) оставалась прежней. Монеты и кольца не тождественны по форме, но тождественны по субстанции. Бытие колец есть формальное небытие (= инобытие) монет.

В других случаях наступает небытие вещи в некоторой субстанции, которое становится ее бытием в иной субстанции, но в прежней форме. Например, костная ткань скелетов динозавров за миллионы лет заменяется минералами, но форма костей сохраняется. Бытие окаменелостей – субстанциональное небытие (= инобытие) костей. Исходные вещи и их точные копии не тождественны по субстанции, но тождественны по форме. Это аналитическое тождество (перед нами не те же, а такие же вещи).

Но если, отвлекаясь от субстанции, в качестве вещи рассматривать только форму, оппозиция «синтетическое : аналитическое тождество» нейтрализуется. Так, структуралисты трактовали язык как чистую форму. По Л. Ельмслеву, «датский язык, будь то устный, или писанный, или телеграфированный азбукой Морзе, или переданный морской флажковой сигнализацией, остается <...> все тем же датским языком» [6, с. 103]. Различия в субстанциях не значимы для идентификации вещи как датского языка.

Далее, может наступить небытие вещи в каком-либо локусе, которое становится ее бытием в ином локусе. Так, когда бумажное письмо пересылается обычной почтой, наступает его небытие в пункте отправления, которое оборачивается его бытием в пункте назначения. При этом сохраняется синтетическое тождество: это не такая же, а та же вещь. В частности, полученное бумажное письмо – это то же письмо, которое было отправлено. Это связано с тем, что в таких случаях перемещаются и форма, и субстанция.

Но если вещь считать не единство формы и субстанции, а чистую форму, то при смене локуса наступает бытие вещи в новом ло-

кусе, но не наступает ее небытие в прежнем локусе. Так, пересланное электронное письмо возникает в пункте назначения, но остается и в пункте отправления. Нивелируется различие между синтетическим и аналитическим тождеством: это одно и то же письмо независимо от того, в скольких локусах и в каких субстанциях оно существует. Ведь субстанция при этом не перемещается, а исходная форма тиражируется.

Эти рассуждения имеют непосредственное отношение к проблеме лакун. Они помогают выяснить, действительно ли тождественны безэквивалентная единица одного языка и лакунарная единица другого языка; если да, то в каком – синтетическом или аналитическом – тождестве они состоят, а если нет, то в каком локусе наличествует единица, отсутствующая в рассматриваемом языке, коль скоро она не наличествует в другом языке.

Особый случай – виртуальное (по Г. Гегелю, субъективное [5]) бытие вещи в виде мысленного образа, существующего в иной (мозговой) субстанции и ином локусе (когнитивном мире субъекта) при сохранении формы. Если вещь трактуется как чистая форма, то при смене субстанции ее самоидентичность сохраняется. Так, языковая единица или форма, произнесенная / написанная (т.е. объективированная, обладающая реальным бытием) или мыслимая (т.е. субъективированная, обладающая виртуальным бытием), представляет собой одну / ту же единицу / форму.

Так в общих чертах выглядит соотношение небытия и бытия. Обратимся теперь к вопросу о соотношении отсутствия и присутствия / наличия (согласно русской литературной норме, с одушевленными существительными сочетается слово *присутствие*, а с неодушевленными – его синоним *наличие*).

В строгом смысле *отсутствие* значит не ‘несуществование’ и не просто ‘нахождение где-либо’, а ‘нахождение в определенном месте’; *присутствие (наличие)* – ‘нахождение в определенном месте’. Высказывания о наличии / отсутствии вещи в каком-либо локусе имеют пресуппозицию «Данной вещи положено находиться в данном локусе». Иначе вещь там не наличествует и не отсутствует; просто она там находится или не находится. Например, говорят, что школьник сегодня отсутствует на уроке, но не говорят, что он сегодня отсутствует на заседании Кабинета министров. Строго говоря, он там не отсутствует, а просто не находится, т.к. там ему находиться не положено.

Вещь, наличествующая / отсутствующая в том или ином локусе, является для него своей. Если единица / форма в языке не отсутствует, а ее там просто нет, то она для данного языка является чужой (иноязычной). Если считать это лакуной, то лакунами в данном языке придется считать несуществование в нем всех единиц и форм всех языков мира. Объектом лакунологии станет все, чего нет в данном языке. Столь странное положение дел вытекает из межъязыковой трактовки лакун.

Если же считать лакуной не простое несуществование, а отсутствие в языке той или иной единицы или формы, то отсутствующая (лакунарная) единица / форма является с о е й для данного языка; иными словами, лакуна – это внутриязыковой феномен. Мы придерживаемся этой трактовки лакун.

По нашим представлениям, лакуна – это отсутствие единицы / формы в одном локусе языка, подразумевающее ее наличие не в другом языке, а в другом локусе того же языка – веговиртуале, противопоставленном реалу. Толкуя эти понятия, примем во внимание оппозицию «идеальная система :: ее практическая реализация». В философии она представлена Платоновой антитезой «идея вещи :: ее воплощение», в технике – противопоставлением принципиальной схемы прибора самому прибору, а в лингвистике – введенной Л. Ельмслевом антитезой «схема языка :: его норма и узус». Виртуал языка – это то, что есть в его схеме, но не реализуется в его норме и узусе. Реал языка – это то, что входит в его норму и узус.

Диалектика бытия и небытия приводит к выводу: языковая лакуна – это не просто пустота, а такая пустота, которая содержит виртуальную (лакунарную) единицу / форму, притом не чужого, а данного языка. Лакуна – это отсутствие. По А.Ф. Лосеву [8], отсутствие есть одновременно небытие и бытие, а по М. Хайдеггеру [11], отсутствие есть модус бытия – виртуальное бытие.

Напрашивается параллель с пониманием вакуума в квантовой механике: вакуум – не абсолютная пустота, а пространство, заполненное виртуальными элементарными частицами, при некоторых условиях переходящими в реальный мир. Аналогичным образом виртуальные единицы / формы, конструируемые по законам данного языка, при некоторых условиях становятся реальными. На этом основан потенциал формо-, слово- и фразеобразования.

Итак, мы кратко рассмотрели соотношения ряда онтологических категорий.

На наш взгляд, оно должно составить методологический фундамент изучения лакун, т.к. понятие «лакуна» определяется через понятие «отсутствие», а оно, в свою очередь, определяется через понятие «небытие», противопоставленное, с одной стороны, понятию «ничто», а с другой – понятию «бытие».

Литература

1. Аристотель. Метафизика. М. : Эксмо, 2008. Кн. 1.
2. Барвайс Дж., Перри Дж. Ситуация и установки // Философия. Логика. Язык : сб. науч. тр. М. : Прогресс, 1987. С. 264–293.
3. Блаженный Августин. Исповедь. М. : Духовное наследие, 2007.
4. Винер Н. Творец и будущее. М. : АСТ, 2003. С. 225–292.
5. Гегель Г. Наука логики. СПб.: Наука, 1997.
6. Ельмслев Л. Язык и речь // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях : хрестоматия. М. : Просвещение, 1965. С. 111–121.
7. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975.
8. Лосев А.Ф. Бытие и небытие // Его же. Миф. Число. Сущность. М. : Мысль, 1994. С. 408–432.
9. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М. : Республика, 2000.
10. Стернин И.А. Предисловие научного редактора // Г.В. Быкова, В.Л. Фраер. Лакунны русского языка: Опыт словаря. Благовещенск : Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 39–56.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003.

* * *

1. Aristotel. Metafizika. M. : Eksmo, 2008. Kn. 1.
2. Barvays Dzh., Perri Dzh. Situatsiya i ustanovki // Filosofiya. Logika. Yazyk : sb. nauch. tr. M. : Progress, 1987. S. 264–293.
3. Blazhennyiy Avgustin. Ispoved. M. : Duhovnoe nasledie, 2007.
4. Viner N. Tvorets i budushee. M. : AST, 2003. S. 225–292.
5. Gegel G. Nauka logiki. SPb.: Nauka, 1997.
6. Elmslev L. Yazyk i rech // Istoriya yazyikoznaniya XIX i XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah : Hrestomatiya. M. : Prosveschenie, 1965. S. 111–121.
7. Kondakov N.I. Logicheskiy slovar-spravochnik. M. : Nauka, 1975.
8. Losev A.F. Byitie i nebyitie // Ego zhe. Mif. Chislo. Suschnost. M. : Myisl, 1994. S. 408–432.
9. Sartr Zh.P. Byitie i nichto. M. : Respublika, 2000.
10. Sternin I.A. Predislovie nauchnogo redaktora // G.V. Byikova, V.L. Fraer. Lakunyi russkogo

yazyka: Opyit slovarya. Blagoveschensk : Izd-vo Blagovesch. gos. ped. un-ta, 2008. Vyip. 2. S. 39–56.

11. Haydegger M. Byitie i vremya. Harkov : Folio, 2003.

Language lacunas in the light of dialectal logic

There are covered the ontological categories meaningful for finding out the essence of the notion "language lacuna". There are given the arguments for intralinguistic interpretation of lacunas.

Key words: *language lacuna, lacuna unit, virtual unit, language substance, being, non-existence.*

(Статья поступила в редакцию 15.10.2014)

О.А. СЕЛИВЕРСТОВА
(Владимир)

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИОННЫХ РАЗЛИЧИЯХ ПОНЯТИЙ «ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА» И «ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Рассматриваются подходы к трактовке и соотношению понятий «языковая политика» и «языковое планирование». Предпринята попытка представить классификацию подходов и предложить компромиссное решение проблемы единого наименования, объединяющего содержание данных понятий.

Ключевые слова: *языковая политика, языковое планирование, языковое строительство, дефиниции, определения.*

Семантическое поле понятия «языковое планирование» включает широкий терминологический ряд, к которому относятся *языковая политика, языковое строительство, языковой менеджмент, языковое обустройство* и т.д. Наибольшей популярностью в лингвистике пользуются термины *языковая политика* и *языковое планирование*. При этом вопрос о содержании указанных понятий и их понятий-

ных дериватов, а также их различии представляется дискуссионным. Многообразие подходов к решению данного вопроса в отечественной и зарубежной лингвистике свидетельствует о неоднородности их терминологического поля и представляет собой актуальную проблему современной теории языка.

Целью настоящего исследования является изучение и систематизация существующих подходов к определению понятий «языковая политика» и «языковое планирование». Достижение указанной цели предполагает решение следующих исследовательских задач: 1) изучение подходов к определению терминов *языковая политика* и *языковое планирование* в трудах отечественных и зарубежных лингвистов; 2) систематизация и классификация различных подходов к трактовке содержания и объема указанных понятий и их соотношения.

Научная новизна исследования состоит в анализе аутентичных научных работ, не переведенных на русский язык, а также в попытке представить классификацию подходов к обозначенной проблеме в отечественной и зарубежной лингвистике. Материалом для настоящего исследования послужили монографии и научные статьи отечественных и зарубежных лингвистов второй половины XX – начала XXI в.

Автором термина *языковое планирование* считают американского лингвиста У. Вайнрайха, впервые употребившего этот термин в 1957 г. на семинаре в Колумбийском университете. Однако первое определение языкового планирования (Language Planning) было дано в 1959 г. норвежским лингвистом Э. Хаугеном. Интересно, что эволюция толкования данного понятия в работах Хаугена прошла путь от чрезвычайно узкой трактовки языкового планирования как деятельности «по подготовке нормативной орфографии, грамматики и словаря, которыми будут руководствоваться в своей письменной и устной речи члены однородных речевых коллективов» [12, с. 8] до широкой, состоящей в вынесении «суждения в форме одной из нескольких имеющихся языковых форм» и даже еще более общего понимания языкового планирования как «оценки языкового изменения» [7, с. 441].

Становление понятия «языковое планирование» в зарубежной лингвистике шло преимущественно по пути его расширения и уточнения объектов языкового планирования с одновременным изменением представлений о его субъектах. Так, в первом определении Ха-